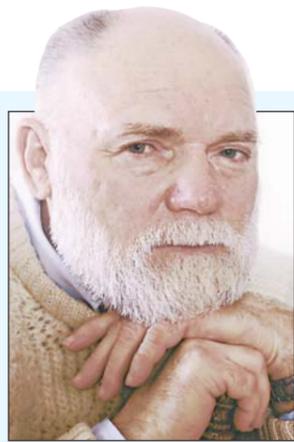

ВИКТОР
СЛИПЕНЧУК

ВОЛШЕБСТВО

Рассказ

«Аргументы недели» продолжают знакомить читателей с творчеством своего доброго друга и постоянного автора, известного писателя В. Слипенчука.

Виктор Трифонович Слипенчук – заметное имя на российском литературном пространстве. Его жизненный опыт богат и разнообразен. Но биография и опыт ещё не делают человека писателем. Можно иметь за плечами сотни интересных событий, самые невероятные приключения, однако если жизненные впечатления не осмыслены, не изложены с необходимым талантом, то вряд ли автор может рассчитывать на читательский интерес. Однако, по счастью, к Виктору Слипенчуку это не относится. Напоминаем адрес постоянного сайта писателя: www.slipenchuk.ru

ОДНАЖДЫ я заметил, что некоторые предметы могут увеличиваться и становиться больше самих себя. Какой-нибудь маленький болтик, гайка или золотник с ниппелем вдруг становятся такими большими, что за ними не видно других предметов.

Впервые это случилось в пристройке к дому, в которой у нас хранились погнутые велосипедные рамы, колёса и всякие другие вещи, которые мои старшие братья притаскивали с военной свалки возле аэродрома. Много раз мама говорила отцу, чтобы он на подводе куда-нибудь подальше вывез эти железяки, тогда бы она наконец навела порядок в пристройке. Но отец оставался глух, он словно не слышал.

Старший брат Вовка (он старше меня на целых шесть лет) всегда очень боялся, что когда-нибудь отец услышит. По Вовкиному зову, мы с Эдькой, средним братом (он на два года младше Вовки), немедленно бросали всё и включались в уборку. Мы рассовывали железяки по углам, навешивали колёса на специальные настенные крюки, а огромный ящик со всякой всячиной, который мама называла сундуком с хламом, задвигали под верстак, на котором намертво были укреплены тиски и большая железная коробка с инструментами: ключами, молотками, стамесками и напильниками.

Моя роль была незначительной. Я либо что-нибудь подавал, либо стоял где-нибудь в сторонке и предметы, которые Вовке и Эдьке могли пригодиться уже сегодня, клал в брезентовую сумку. Особенно много таких предметов было в большом ящике. Над которым, прежде чем его задвинуть, мы подолгу сидели на корточках. Братья отбирали что-нибудь приглянувшееся, а я просто смотрел. Чего здесь только не было: всякие гайки, трубки, пустые баночки, куски медной проволоки, маленькие колёсики, подшипники, уродливые противогазы с гофрированными трубками и банками и ещё много-много такого, чему мы и названий не знали. Так получалось, что во время уборки как раз из этого ящика больше всего предметов попадало в сумку.

Однажды Вовка выбрал пустую баночку из-под вазелина, но в сумку не опустил. Он вытащил из кармана красноватую бронзовую медаль и вложил её в баночку.

— Смотрите, — сказал Вовка. — Вложила, как по заказу, тютелька в тютельку.

Мы с Эдькой посмотрели, и я увидел выпуклый портрет вождя, а вокруг него тоненькую каёмочку с маленьким бугорком — ушком для звёнышка, на котором медаль подвешивается к специальной колодке, обтянутой красивой разноцветной лентой. Колодки не было. Да и ушко — кто спилил напильником. Вовка использовал медаль как битву в чикку.

— Это медаль, наверное, папкина? — спросил я, и братья оцепенели, даже дышать перестали.

— Кто тебе сказал? — встав, строго спросил Вовка, и медаль в баночке вдруг стала такой большой, что он никак не мог закрыть её зелёной крышечкой.

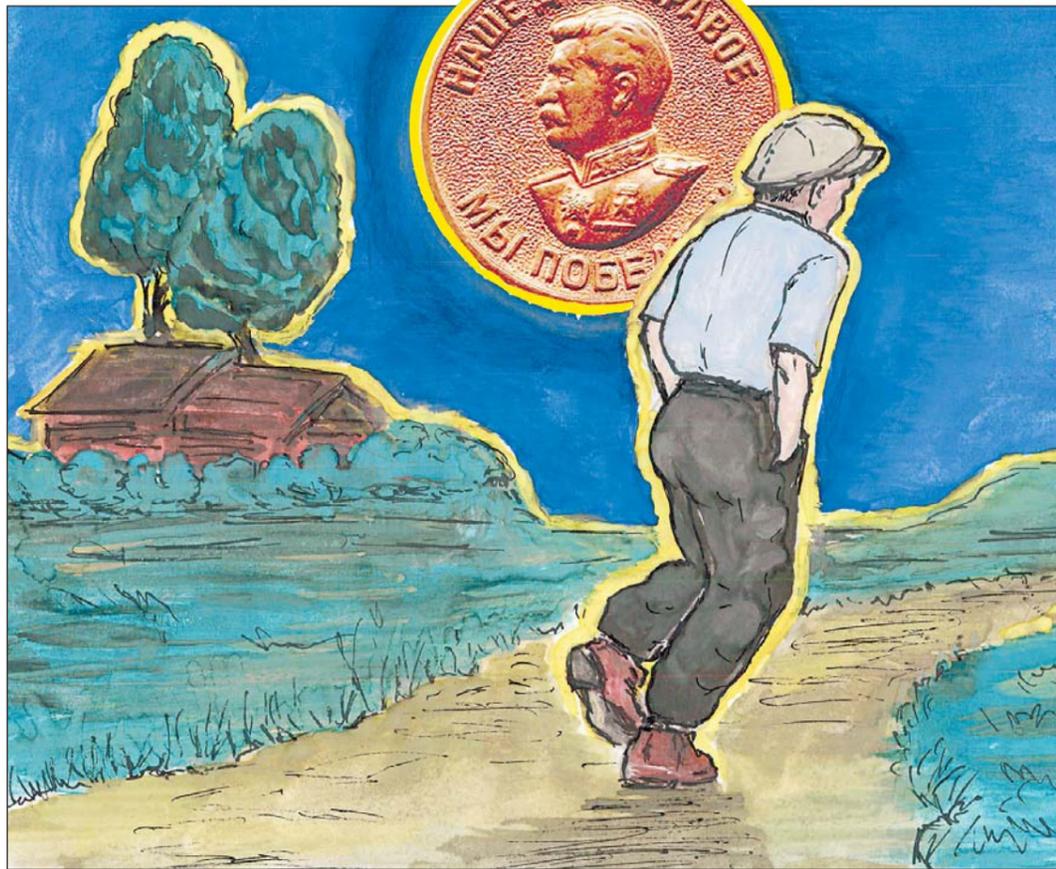
— Никто не говорил.

Я объяснил, что похожую медаль видел в родительской спальне, в верхнем ящике комода под большим зеркалом. Братья переглянулись.

— Ты лазил в комод!? — осуждающе спросил Эдька и тоже встал.

— Нет, не лазил, он был открыт. Я увидел в зеркале несколько коробочек, на одной из них как раз лежала такая медаль.

— Такая медаль — мамина, она называется «За доблестный труд», — сказал Вовка и упрёкнул Эдьку за то, что не закрыл комод.

— У меня не хватило сил, ящик заело, он не поддавался.

Эдька оправдывался и нападал на меня, будто я специально подсмотрел за ним, чтобы заглянуть в комод. Тогда я ещё раз повторил, что не заглядывал, а увидел медаль в зеркале.

— Не вздумай никому сказать, не болтайся, — предупредил Эдька.

— Ну вот ещё, — сказал я, а Вовка махнул рукой, мол, пусть говорит, всё равно папка когда-нибудь узнает.

— Не узнает, — возразил Эдька.

Он сказал, что ни мама, ни папка не надевают медалей, потому что на Доску почёта они уже сфотографировались, а для газеты всё равно, чья это медаль, потому что главное — документы, которые у них разные.

— Они что документы приколят себе на грудь? — сказал Вовка.

Мы весело засмеялись, мы представили папку с множеством документов, развешенных на груди.

— Всё, хватит, — оборвал Вовка. — Глухой смех может накликать что-нибудь плохое.

Он присел на корточки, и мы тоже присели. Вовка стал искать железную трубочку для Эдьки, а мне сказал принести из летней кухни какую-нибудь самую большую сырую картофелину. Я принёс, а они всё ещё никак не могли найти нужную трубочку. Наконец, Вовка сказал, что нашёл. Он засунул руку так глубоко в ящик, что ему пришлось привстать. Мы стали освобождать Вовкину руку, чтобы он мог вытащить трубочку. Она несколько раз выскальзывала, и всё же он её вытащил.

Это была трубочка от ученической ручки, которая с одной стороны закрывалась гильзочкой для чернильного пёрышка, а с другой — для отгрызка карандаша. Гильзочек на ней не было, но я сразу узнал её. Ровная и гладкая, она была с обоих концов как бы прямо отпиленной.

Посмотрев через неё на свет, Вовка сказал:

— Отливает сталью, как охотничье ружьё (и сразу трубочка стала большой-большой). Давай патроны! — потребовал Вовка.

Но я не знал, где они могут быть. Я шарил глазами по

жа на улитку, вылезшую из своего свёрнутого домика.

— Брось пулю в помойное ведро, она использована! — сказал Вовка и опять воткнул трубочку в картошку.

Он вновь приготовил заряд, но я не выбросил использованную пулю. Я подоткнул её под резинку трусов и, пока стоял мишенью для Эдьки, потихоньку отламывал от медной проволоки два маленьких кончика.

— Валерка, не шевелись — мешаешь целиться, — возмутился Эдька, и тогда я сказал, что он тоже шевелился.

Он стал спорить, но Вовка сказал:

— Если бы ты не шевелился, я бы попал тебе в голову, а не в ухо.

Вовка разрешил нам стрелять куда попало, но так, чтобы пули вылетали во двор. Во дворе их подберут куры, а из пристройки их придётся выметать, потому что раздавленная пуля, если на неё наступить, становится похожей на обыкновенный плевок.

Всякий раз после выстрела Вовка заряжал трубочку, поэтому он и выбирал, чья очередь стрелять. Больше всех, конечно, стрелял он сам и Эдька, но мне тоже дали несколько раз выстрелить. Картошка стала совсем никакой.

— Всё, финиш, — сказал Вовка и положил её на верстак.

Картошка была похожа на ноздреватый мячик. Но мячиков, усеянных круглыми дырочками, мы никогда не видели, и Вовка сказал, что теперь у этой картошки есть сходство с ёжиком.

— Тогда в неё надо наткать иглою, — сказал Эдька.

— Ну вот ещё, — не одобрил Вовка.

И тогда я вынул из-под резинки пулю, упавшую мне под ноги, и как раз над тёмным пятячком воткнул в неё два приготовленных кончика проволоки.

— А теперь угадайте — что это?

В моей раскрытой горсти на ладони лежал самый первый заряд. Он подсох и слегка согнулся и с проволоками был точь-в-точь как улитка, но без домика.

— На червяка не походит — у червяков рожки, а у этого усики, — сказал Эдька. — Таких червяков нигде не бывает.

Вот и хорошо, что не бывает, — подумал я, и мне захотелось выбросить свою поделку в помойное ведро, потому что никаких червей я не переносу.

Я брезвую ими, даже когда они полезные, как шелковичные. Но тут вмешался Вовка, он сказал, что если бы рядом лежала ракушка от улитки, то он бы сразу подумал, что это настоящая улитка.

— У неё и мордочка тёмная, как у настоящей. Ты смотри, как здорово придумал?! — восхитился Вовка, и улитка на моей ладони стала большим-большим бриллиантом.

Братья приблизились, чтобы лучше рассмотреть моё сокровище, и Эдька сказал:

— Вовка, ты просто не знаешь нашего Валерку, он иногда может что-нибудь такое хорошее сделать, что никто-никто никогда не сделает.

Моё сердце переполнилось. Мне такого братья ещё не говорили. И я не выдержал. Неожиданно для себя изо всей силы сжал руку, моё сокровище хрустнуло и раздавилось. Я тут же разжал кулак, но было поздно, всё уже произошло.

ВЕЩЕЙ

— Ну, вот — сказал Эдька. — Что ты наделал, ты же превратил улитку в настоящий плевок.

Я готов был зареветь от обиды на само-го себя, но тут Вовка положил в мою руку остатки картошки.

— Иди, соскреби свой плевок ёжиком и всё это выбрось в помойное ведро. И запомни, главное, не то, что ты сделал, а что сумеешь сделать, и это находится в голове и там оно никогда не испортится.

Он посмотрел на порядок, который мы навели в пристройке, и опустил коробочку с медалью и трубочку на дно брезентовой сумки. Потом переломил её, как переламывают голенище изношенного сапога, и положил в уголок огромного ящика. Встал, ещё раз во все глаза глянул сверху и на всякий случай привалил брезентовую сумку коухом от магнето.

— Всё, будем задвигать! — объявил Вовка, и они с Эдькой стали задвигать ящик под верстак.

Я тоже успел и немного помог. Когда встали и уже хотели выйти из пристройки, Эдька сказал, что если бы ушко медали было целым, то её можно было бы вернуть на место.

— Эх ты, — сказал Вовка. — Ты думаешь, я нарочно спилил?! Нет — случайно вышло.

Он объяснил, что обернул медаль суконной тряпочкой, чтобы не повредить, зажал тисками и взял напильник.

Вовка выудил из инструментов трёхгранный напильник с деревянной ручкой и показал нам.

Вовка хотел только чуть-чуть надпилить медаль возле ушка, чтобы посмотреть: это такой красноватой краской она покрашена или есть на свете такая редкая красная бронза. Он осторожно установил напильник, а когда потянул его на себя, медаль неожиданно крутнулась в тисках, и напильник, соскользнув, снёс ушко до самой дырочки. Вовка резко бросил напильник на инструменты.

— Это же — зверь, почти как холодное оружие.

Напильник и раньше казался мне очень большим, а теперь он был больше ржавого японского штыка, которым по осени мы рубили стебли кукурузы.

После своей улитки я очень глубоко понимал Вовку. Настолько глубоко, как будто это я сам нечаянно снёс ушко медали.

Мы замолчали, а Вовка, глядя на нас, неожиданно повеселел.

— Не переживайте, если папка возьмётся за ремень, я убегу из дому.

— Как это убежишь?! — не поняли мы.

— Очень просто, буду спать на чердаках колхозных амбаров или пустых рисо-заводских складов.

— Навсегда убежишь? — спросил Эдька с ужасом и восторгом.

— Навсегда, если папка не простит.

— А ты бы простил? — спросил Эдька.

— Нет, не простил. Эта медаль дороже некоторых военных, а у папки сплошные нервы из-за базедовой болезни.

Мы стали расспрашивать Вовку, где он будет кушать или начнёт ходить по дворам, как побирушка? И что же со школой? Он теперь что — нигде не будет учиться?

На все вопросы Вовка отвечал нехотя, потому что сам не знал, что с ним будет, когда убежит. На первое время он возьмёт горсть мелочи из копилки, а там посмотрит. Эдька сказал, что в копилке все деньги Вовкины, он их выиграл в чикку, так что никто ничего не скажет, если он заберёт всю копилку. Вовка возразил:

— Только горсть, а то получится — мы копили деньги, чтобы я убежал из дому.

— Эх, Вовка, теперь так, как ты, никто не сыграет с лётчиками, — с грустью заметил Эдька и спросил. — Наверное, медаль возьмёшь с собой?

— Нет — она же не моя, — сказал Вовка, и мы замолчали.

Я вспомнил, как приходили военные лётчики, чтобы поиграть в чикку. Они всегда были радостными и чисто одетыми, в городских шёлковых теннисках. Весёлые, смеющиеся, они приходили на нашу улицу, как на праздник. А для нас они сами были праздником. Лётчики могли обыграть в чикку любого из пацанов, кроме Вовки. Бросая битку, Вовка до того сосредотачивался, что все затихали. Он никогда не промахивался. Он бил биткой с лёта по столбику монет, и они как брызги разлетались во все стороны. Мы с Эдькой бросались собирать мелочь, а Вовка стоял и лишь указывал нам босой ногой на отдельные далеко откатившиеся монеты.

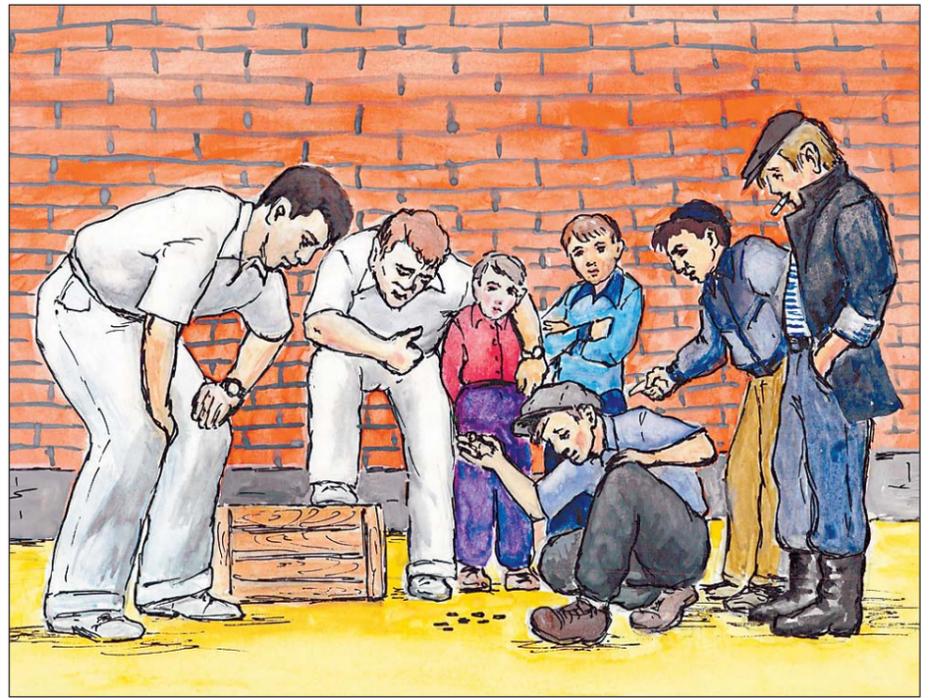
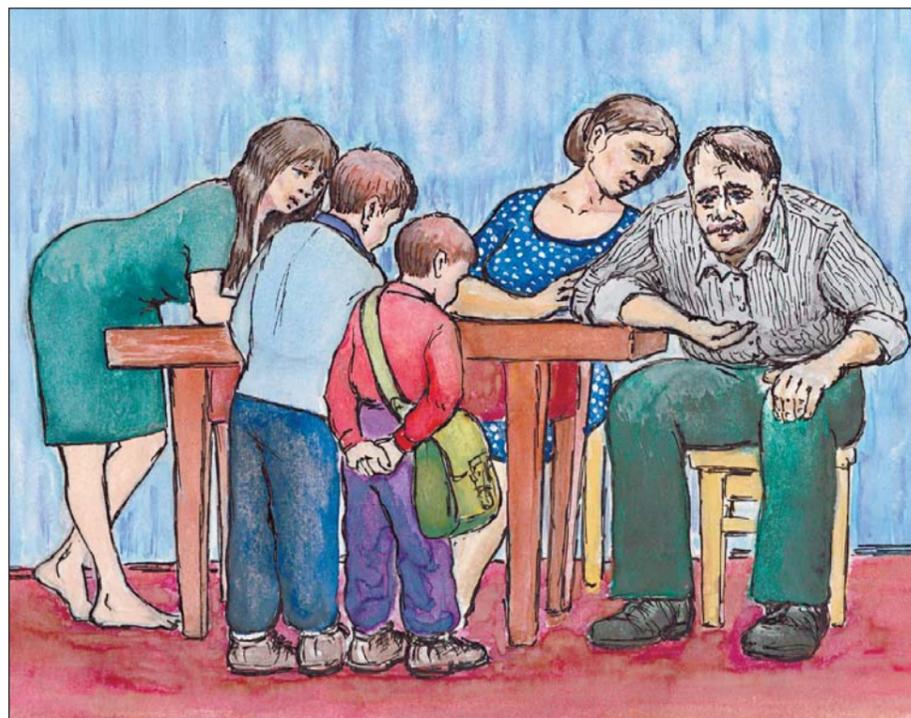
Лётчики чувствовали, что Вовка играет в чикку не только из-за денег. Он показывает им свою ловкость и меткий глаз. Это лётчиков задевало и подзадоривало. Они горячились, обещали наказать Аса, так они называли Вовку. А он стоял, руки в карманах обтрёпанных шаровар, и смотрел вдаль с таким видом, будто разговор шёл не о нём. Он даже для нас с Эдькой становился немного чужим. Так что поначалу, когда мы бросались собирать деньги, лётчики нас останавливали. Но когда узнали, что мы Вовкины братья, извинились, потому что поняли, что у такого, как Вовка, просто не может быть плохих братьев.

Когда Вовка отсутствовал, за ним прибегали Герка Воронков и Витька Гребенюк (соседи, старшеклассники с нашей улицы). Они сообщали, что его зовут лётчики, хотя, чтобы ас-истребитель у них истребил мелочь в карманах.

Но старшая сестра Рая, которая училась в техникуме во Владивостоке и на каникулах была в доме главной, никогда не отпускала Вовку, пока он не выполнит свою работу — не назовет воды в бочку для коровы и не наколет дров. Тогда пацаны начинали помогать Вовке, даже лётчики иногда кололи дрова.

Рая сидела на крыльце в чёрной блестящей шляпке с наспавшей на глаза сеточкой, усыпанной белыми звёздочками, и через неё читала газету «Черниговский колхозник». Она наблюдала, чтобы всё в точности было выполнено. Только тогда она отпускала Вовку. Уходя, лётчики всегда интересовались: «Ну и что там пишете?» — «Пишут, что наши военные лётчики самые лучшие в мире», — отвечала Рая, и они все смеялись от удовольствия.

Начиная игру, Вовка ставил условие — не мухлевать, играть по-честному. Почестному его никто не мог победить. Его и в вышибалу сразу выбирали капитаном команды. Все заранее знали, что там, где наш Вовка, там — победа.

И мне очень обидно стало, что Вовка убежит из дому и превратится в попрошайку. И я сказал, что когда он убежит, пусть не попрошайничает, потому что мама с утра нарезает хлеб каждому. И мы с Эдькой будем приносить его порцию — куда он скажет. И ещё я от своей буду отламывать.

— Откуда ты знаешь, что мама станет нарезать Вовке его порцию? — удивился Эдька. — Она же узнает, что он убежал.

— Знаю, — сказал я. — Мама никогда не согласится, что у нас нет Вовки, она будет нарезать ему хлеб всегда.

Вовка подошёл и дал мне подзатыльник. И стал смотреть вдаль проёма так, словно он был один, а нас с ним не было. И я тоже стал так же смотреть, потому что в глазах у меня закипали слёзы. Но не от обиды за подзатыльник, а потому что такого брата, как наш Вовка, нам с Эдькой больше не найти.

Вовки не было дома пять дней. Он рано утром появлялся в глубоком овраге за огородом — мы приносили хлеб.

Грязный, обтрёпанный, весь в репьях и бурьяне, Вовка спрашивал — что отец? Мы говорили, что отец молчит, а мама плачет. А Райка ругается на всех нас. Говорит, что скажет военным лётчикам, чтобы тебя насильно притащили.

— Нет, они не станут, — сказал Вовка и усмехнулся внутрь себя. — Пока вы приходите к складам, они не тронут, они думают, что вы меня охраняете.

Это было так удивительно слышать, потому что вслед за Вовкой все пацаны с нашей улицы и со станции переместились гулять к складам. И мы с Эдькой всегда незаметно появлялись у какого-нибудь склада, но близко не подходили. Мы понимали, что теперь — мы лишние. Мы ду-

мали: никто нас не видит, что мы наблюдаем за Вовкой. Мы тогда не знали, что сами стали такими большими предметами, что нас уже видно отовсюду.

— Смотрите, что у меня есть, — сказал Вовка.

Он вытащил из карманов светлые круглые камешки, из которых кресалом выбивают искры, и стал жонглировать ими. У него получалось ловко, очень ловко, словно у настоящего жонглёра. (Вовка был всё таким же старшим братом — с ним было интересно.) И тут Эдька сказал, что видел его медаль в баночке из-под вазелина на родительском комод. Вовка уронил камешки.

— Знаешь, Вовка, — сказал Эдька. — Завтра утром мы с Валеркой попросим у папки прощения.

— И что вы скажете? — заинтересовался Вовка и, собрав камешки, разложил по карманам моей тужурки.

— Мы скажем, что так делать больше не будем.

Вовка сказал, что мы здесь ни при чём. Но если хотим так говорить — он запретить не может, но потом, когда папка отлупит нас, чтобы не приходили к складам, иначе ещё и от него получим.

На следующее утро мы подгадали так, что в летней кухне собрались все. Эдька приказал просить прощения мне, потому что меньшим больше всего прощают.

Когда я стал говорить, папка положил ложку, а мама сразу же села на табуретку возле плиты. Райка на нас даже не взглянула, она от нечего делать стала смотреть в окно.

Папка выслушал, помолчал, неторопливо достал из нагрудного кармана баночку с медалью.

— Держи, — сказал он Эдьке. — Отдайте ему эту медаль и скажите, что теперь она его.

Мы уже вылетели из летней кухни, когда, распахнув окно, Райка крикнула вдогон, чтобы не тянули Вовку за стол, а шли в летний душ. Она однажды видела его издали — грязный, как поросёнок.

Вовка ждал нас в овраге. Мы захлёб рассказали, что папка простил его, что он отдал ему свою медаль и теперь она его. Вовка слушал серьёзно и отстранённо. В нём самом было что-то чеканное, как в медали. И только когда открыл крышечку, он засмеялся. И мы с Эдькой с двух сторон потянули его за руки.

Мы шли втроём, мы шли огородами, и меня распирало от радости. Потому что мы шли домой, потому что мы шли с Вовкой, с нашим старшим братом.

Никогда прежде я не испытывал столь большой радости. Но Райка всё испортила. Она сказала, что, глядя на нас в окно, мама плакала.

Виктор СЛИПЕНЧУК
2012 г.

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru